

НОВИНКА

МИСТИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

КРЕСТНЫЙ

Иван Дмитриевич Мешалов

Составитель:
Гласов Николай Александрович

ЛитРес

Рекомендовано к публикации

18+

Иван Мешалов

Крёстный

«Автор»

2026

Мешалов И. Д.

Крёстный / И. Д. Мешалов — «Автор», 2026

Аннотация: Полковник Дмитрий Соколов привык жить по закону и терять по счёту. Но одна ноябрьская ночь на набережной Мойки меняет всё: на холодном граните умирает Анна, а на руках остаётся её новорождённый сын. Десять лет спустя Соколов — отец двух мальчиков: родного Вани и спасённого Артёма. Но тень прошлого не прощает. Когда за молчание требуют жизнь сына, в Петербурге начинается битва, где закон бессилен, а чудо — реально. Воскресший Ваня становится светом, который ведёт отца против тьмы. Мистический триллер о вере, родительской любви и выборе, который сильнее смерти.

© Мешалов И. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повесть: Крестный	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Иван Мешалов Крёстный

Повесть: Крестный

Составитель:
Гласов Николай Александрович

 ЛитРес
Рекомендовано к публикации

Автор: Иван Дмитриевич Мешалов
Составитель: Николай Александрович Глазов
Жанр: православие, триллер, фантастика!

Глава 1. Кровь на граните

Санкт-Петербург, наши дни. 05:47 утра.

Ноябрь в Петербурге — это не просто месяц. Это приговор. Город, еще вчера казавшийся гордым имперским красавцем, сдавался под натиском сырой, пронизывающей насквозь тьмы. Небо наливалось свинцом, а ветер с залива превращался в ледяной сквозняк, гуляющий по пустынным проспектам, как хозяин в опустевшем доме.

В здании Главного управления МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области на Суворовском проспекте царила та особенная, звенящая тишина, которая бывает только в преддверии катастрофы или конца долгой, изматывающей смены. Дежурная часть, обычно наполненная гулом голосов, треском раций и телефонными трелями, сейчас напоминала вымерший улей. Только мерный стук капель из неплотно закрытого крана в дальнем углу да монотонное гудение серверов нарушали эту гнетущую тишину.

Начальник полиции, полковник Дмитрий Петрович Соколов, сидел в своем кабинете, утопая в кресле. Ему было сорок два. Возраст, когда ты уже не бежишь сломя голову за преступником, но еще можешь уложить его метким выстрелом, если придется. Возраст, когда ты начинаешь ценить тишину и покой, хотя по долгу службы обязан жить в хаосе. Десять лет назад он, молодой, дерзкий лейтенант, ворвался в этот кабинет с горящими глазами, полный надежд и амбиций. Теперь он сам сидел в этом кресле, и глаза его были уставшими. Морщины у переносицы и на лбу стали глубже, виски тронула седина — благородная, как он сам называл ее, но все же седина.

На столе перед ним лежала стопка необработанных бумаг, но он не смотрел на них. Его взгляд был прикован к окну, за которым медленно, будто нехотя, начинал разгораться серый, промозглый рассвет. Дмитрий Петрович сделал глоток остывшего крепкого кофе из эмалированной кружки — привычка, оставшаяся еще с курсантских времен. Горький. В самый раз. Он потерял виски, пытаясь прогнать навязчивую головную боль, ставшую его постоянным спутником за последние годы.

Мысли текли вяло, как вода в Неве в ноябре. Он думал о суете, которая заполнила его жизнь. О бесконечных совещаниях, отчетах, показателях. О преступлениях, раскрытых и не очень. О семьях погибших, которых он видел слишком часто. Десять лет. Как быстро пролетело время. Казалось, только вчера он гонял «закладчиков» по дворам-колодцам, а сегодня за его спиной — сотни сотрудников и тысячи человеческих судеб, за которые он несет ответственность. Груз, который давил на плечи, как мокрый снег в январе.

Он вспомнил Анну. Ее образ, уже подернутый дымкой времени, все еще жил где-то в самом дальнем уголке его памяти, куда он сам боялся заглядывать. Ее смех, ее взгляд, полный той самой, юношеской веры в него. Как она говорила ему: «Ты станешь большим начальником, Димка. Только не забывай, зачем ты туда идешь». Он стал. А зачем — иногда уже и сам не

помнил. Работа поглотила его целиком, без остатка. Сначала это была служба, потом карьера, а потом — просто инерция. Какая-то бесконечная борьба с ветряными мельницами.

Он тряхнул головой, отгоняя воспоминания. Не время для сентиментальности. Сентиментальный полицейский — мертвый полицейский. Или, что хуже, плохой полицейский.

Тишину прорезал резкий, оглушительный трезвон. Дмитрий Петрович вздрогнул, кофе плеснул на стол, оставив на важном отчете темное пятно. Не глядя на телефон, он протянул руку и снял трубку. Это была не внутренняя связь, а городская линия, та, по которой поступали сигналы из дежурной части, расположенной этажом ниже.

— Соколов, — коротко бросил он в трубку.

На том конце раздался голос дежурного, молодого старшего лейтенанта по фамилии Кравченко. Голос его был напряженным, сбивчивым, словно он только что бежал.

— Товарищ полковник! Докладывает дежурный по Управлению старший лейтенант Кравченко! Только что поступило сообщение от коменданта здания! ЧП! На набережной реки Мойки, у дома двадцать четыре! Сбили женщину! Прямо на переходе! Пострадавшая без сознания! Машина скрылась! Вызов передан в ГИБДД, но...

Голос дежурного дрогнул. Дмитрий Петрович почувствовал, как внутри все сжалось в холодный комок. Эта интуиция, проклятая и благословенная одновременно, годами отточенная на сотнях происшествий, заорала в полный голос: «Это не просто ДТП».

— Что «но», лейтенант? — резко оборвал его Соколов, отчеканивая каждое слово.

— Но комендант говорит, что там что-то не так! Он сам туда подъехал, по пути на службу. Говорит, водитель — женщина, а женщина за рулем... он утверждает, что это не похоже на несчастный случай. Говорит, что она ждала кого-то. И еще... — Кравченко замаялся. — ГИБДД отказывается ехать. Они говорят, что вызов странный, что им передали «без пострадавшего», и они на другом вызове.

— «Без пострадавшего»? — переспросил Соколов, чувствуя, как кровь закипает в висках. — Женщину сбили, а они — «без пострадавшего»? Что за бред, лейтенант?!

— Не могу знать, товарищ полковник! Но комендант настаивает, чтобы вы сами приехали. Он говорит... он говорит, что пострадавшая — это... вы ее знаете.

Слова дежурного упали в натянутую тишину кабинета, как камни в замерзшую воду. «Вы ее знаете».

Дмитрий Петрович медленно положил трубку на рычаг. В ушах стоял звон. Мир сузился до размеров этой комнаты, этого стола, этой кружки с остывшим кофе. ГИБДД отказывается. «Без пострадавшего». «Вы ее знаете».

Совпадения? В его работе их не бывает. Каждое совпадение — это либо ошибка, либо завуалированное послание. А в этом городе, с его призраками и туманами, послания могли приходиться оттуда, откуда их совсем не ждешь.

Он встал так резко, что тяжелое кожаное кресло откатилось назад и с глухим стуком ударилось о стену. Нащупав на спинке стула свою дежурную куртку — простую, серую, без погон и знаков различия, он натянул ее прямо на рубашку. Времени на переодевание не было. Он проверил кобуру под пиджаком — табельное оружие на месте. Выключил настольную лампу, и кабинет погрузился в полумрак, разгоняемый только хмурым светом из окна. Захватив с вешалки старую кожаную папку, служившую ему не один год, он вышел в коридор.

Пустой коридор встретил его гулкой тишиной. Шаги Соколова отдавались громким эхом в бетонных стенах, похожих на стены бункера. Спускаясь по лестнице, он даже не задумался о том, почему начальник, которому подчиняются тысячи сотрудников, должен ехать на место обычного ДТП. Он не думал о субординации и правилах. Сейчас внутри него говорил не полковник Соколов, а тот самый молодой лейтенант, для которого слово «справедливость» все еще имело смысл. И еще — это было предчувствие. Липкое, холодное, как придорожный туман. Оно вело его.

Выйдя на улицу, он вдохнул полную грудь ледяного, влажного воздуха. Он не стал брать служебный «Форд», стоявший у входа. Слишком приметный. Он подошел к своей личной машине, старому, но надежному «Ниссану», припаркованному чуть поодаль. Мотор завелся с пол-оборота, привычно рыкнув. Врубив на полную мощность печку, чтобы хоть как-то прогнать озноб, который шел не от холода, а изнутри, он вырулил на Суворовский проспект и направил машину к набережной Мойки.

Город просыпался. По проспекту уже сновали первые троллейбусы, одинокие машины, спешащие по своим делам. Дворники сметали в кучи мокрые листья. Дмитрий Петрович смотрел на этот привычный пейзаж, но не видел его. Перед его внутренним взором стояло лицо. Женское лицо, которое он так старательно пытался забыть. Лицо, которое он не видел десять лет. Лицо Анны.

"Не может быть. Это совпадение. Просто совпадение", — убеждал он сам себя, крепче сжимая руль. Но внутренний голос, тот самый, который сегодня утром уже кричал об опасности, теперь холодно и уверенно говорил: "Это не совпадение. Это начало".

Он свернул с Невского на набережную Мойки. Здесь город менялся. Шумные проспекты оставались в стороне, уступая место тихим, величественным набережным с их старинными особняками, цепями вдоль парапетов и мостами, перекинутыми через темную воду. Дом номер двадцать четыре был недалеко от Исаакиевского собора. Он подъехал и припарковался в неподходящем месте, даже не взглянув на знаки. Сейчас это не имело значения.

Картина, которую он увидел, была именно такой, как он и ожидал — и хуже. Не было толпы зевак. Не было мигалок и патрульных машин. Только одинокая фигура человека в форме коменданта — пожилого майора с усталым лицом — маячила у парапета. А на самом асфальте, на самом краю проезжей части, возле самого бордюра, там, где гранитная набережная встречается с дорогой, лежала фигура, накрытая чем-то темным.

Сердце Дмитрия Петровича пропустило удар. Он заглушил двигатель, и в наступившей тишине отчетливо услышал звук. Тонкий, пронзительный, захлебывающийся. Плач. Детский плач.

Он вышел из машины. Холодный ветер ударил в лицо, обжигая щеки. Шаги давались с трудом, словно он шел по колено в воде. Майор-комендант обернулся, увидел его и быстро пошел навстречу, на ходу начиная докладывать:

— Товарищ полковник... Здравия желаю... Я тут проезжал, смотрю, машина стоит, женщина на асфальте... а рядом... — Комендант сбился, его лицо исказила гримаса ужаса. — Я вызвал «скорую», но они... они сказали, что уже не нужно... а ГИБДД... я не знаю, почему они не едут...

Но Дмитрий Петрович уже не слушал его. Он смотрел только на маленький комок, который лежал на асфальте в полуметре от накрытого тела. Это был не сверток с одеждой. Это был ребенок. Крошечный, только что родившийся, он лежал прямо на холодном, грязном ноябрьском асфальте, мокрый, перепачканный кровью матери и дорожной грязью. Младенец, который только что появился на свет, уже столкнулся с самой страшной жестокостью этого мира. Его тельце содрогалось от плача. Он был один. Совсем один в этом огромном, равнодушном городе, посреди ледяной набережной.

И в этот момент время для Дмитрия Петровича остановилось. Он остановился сам, застыл, как статуя, не в силах сделать ни шагу. Он смотрел на этого ребенка, и в его голове с оглушительной ясностью всплыл голос. Голос, который он слышал три дня назад. Голос, который он пытался забыть, как и все, что было связано с тем местом.

Три дня назад. Свято-Успенская пустынь.

Это была не его инициатива. Его туда притащил его старый друг, оперативник из соседнего района, который в последнее время ударился в веру. «Поехали, Дим, тебе надо развеяться. Там старица есть, прозорливица. Люди говорят, она чудеса творит. Помогает».

Соколов тогда отмахнулся. «Какие чудеса, Серёга? У меня три нераскрытых убийства, а ты меня к бабкам-гадалкам тащишь?» Но друг был настойчив. «Это не бабка. Это старица. Она видит то, что мы, опера, не видим. Поехали. Просто посидишь, послушаешь. Никто тебя не заставляет исповедоваться».

И он поехал. Сам не зная зачем. Наверное, просто устал. Устал от бесконечной гонки, от грязи, от крови, от того, что в его мире не было места для чуда. Он хотел хоть на час поверить в то, что оно существует.

Пустынь встретила его тишиной и запахом ладана и старого дерева. Здесь не было суеты. Только густые ели, старые стены монастыря и какое-то особенное, нездешнее спокойствие. В храме было сумрачно и прохладно. Горели свечи, и лики святых смотрели на него с икон строго и понимающе. Дмитрий Петрович, человек, привыкший к оружию и силе, чувствовал здесь себя неуютно. Слишком уж это было непохоже на его мир.

Старицу звали схимонахиня Агафья. Она сидела на скамье в углу храма, сгорбленная, с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта. Ее глаза были закрыты, а пальцы перебирали четки. Она казалась такой хрупкой, такой далекой от всего мирского.

Соколов подошел, неловко переминаясь с ноги на ногу. Он не знал, что говорить. Друг подтолкнул его в бок.

— Благословите, матушка, — пробормотал он, чувствуя себя полным идиотом.

Старица открыла глаза. И Дмитрий Петрович вздрогнул. Они были не старыми и не мутными. Они были глубокими, как колодцы, и пронзительными, как лезвие. Она смотрела не на него, а прямо в него. В самое нутро. Словно читала все его грехи, все его страхи, все его тайны, которые он так тщательно скрывал даже от себя.

Она долго молчала. А потом улыбнулась. Улыбка у нее была светлая и печальная одновременно.

— Не переживай, Дмитрий, — сказала она тихим, но ясным голосом. — Скоро Бог сына пошлет.

Соколов замер. Он не говорил ей своего имени. Он не сказал ей, что у него нет детей и, по мнению врачей, уже и не будет. Он вообще ничего ей не сказал.

— Тяжело будет, — продолжала старица, глядя ему прямо в глаза. — Очень тяжело. Ты молись. Молись, чтобы сил хватило. И помни: нет ничего сильнее родительской любви. Она из любой тьмы выведет. Она и есть свет.

Тогда он не придал этому значения. Ушел из храма в смятении, списав все на шарлатанство и хорошую психологическую подготовку старухи. «Сын пошлет». Чушь какая-то. Какой сын? У него была работа. Работа, которая была его единственным ребенком.

Он гнал эти мысли прочь все три дня. И вот теперь, стоя на ледяной набережной реки Мойки, глядя на крошечное, плачущее существо, лежащее в грязи, он понял все. Понял с ужасающей, леденящей ясностью.

Он медленно, словно в замедленной съемке, перевел взгляд на накрытое тело. Он не хотел этого делать. Каждая клетка его тела кричала, чтобы он повернулся и ушел. Но он знал, что должен. Он должен был увидеть.

Наклонившись, он дрожащей рукой приподнял край тяжелого одеяла. Под ним лежала женщина. Ее лицо было бледным, как воск, волосы растрепались. На лбу была глубокая, страшная рана. Но даже со всеми этими следами смерти, он узнал ее. Узнал бы из тысячи.

Это была Анна.

Его Анна.

Его прошлое.

Его несбывшееся будущее.

Она лежала здесь, на холодном граните, который она так любила. Она умерла, чтобы дать жизнь. Его сыну.

В этот самый момент случилось то, что окончательно сломало его сознание. Что-то внутри него, что-то очень важное, что-то, за что он держался все эти годы, рухнуло. Сломалось с треском. И на его месте образовалась пустота. Зияющая, ледяная пустота. А в ушах, заглушая плач ребенка, заглушая ветер, заглушая все, что было в этом мире, звучал тихий голос старицы.

«Не переживай, скоро Бог сына пошлет. Тяжело будет, ты молись. Ты молись».

И в этот момент, под серым, промозглым небом Петербурга, начальник полиции Дмитрий Петрович Соколов, мужчина, который не плакал с восьми лет, который видел сотни смертей, который привык быть скалой для других, опустился на колени. Прямо в холодную ноябрьскую грязь. Прямо на мокрый асфальт. Прямо перед своим сыном.

Мир вокруг него рушился. Но в этом рушащемся мире был только один звук, который он слышал теперь ясно. Отчаянный, требовательный, безутешный детский плач.

Плач его сына.

Он протянул к младенцу дрожащие руки. Еще не зная, что будет делать. Еще не зная, как жить дальше. Но уже точно зная одно: он не позволит никому в этом мире, ни одной силе, ни одному человеку, разлучить его с этим кричащим, перепачканным чудом. Никогда.

Он взял его на руки. Крошечный, теплый, он был почти невесомым. Но его вес был тяжелее всех гор мира. И его запах, запах новорожденного, запах крови и дороги, запах жизни, перебивающей смерть, ударил в нос Соколову. И в этот момент он понял, что все его прошлое, вся его карьера, все его убеждения — лишь песок. Прах. Ничто.

— Тише, сынок, — прошептал он, прижимая ребенка к груди. Голос его сорвался. — Тише. Я здесь. Я теперь всегда буду здесь.

Младенец, почувствовав тепло и биение сердца, вдруг начал затихать. Его плач перешел в судорожные всхлипывания, а потом и вовсе прекратился. Он уткнулся в его куртку и затих. Только маленькое сердечко бешено колотилось где-то под его ладонью.

Дмитрий Петрович поднялся с колен. Он стоял посреди набережной, посреди своего города, посреди своей жизни. И в его руках была новая жизнь. Начало. И конец старого. Он стоял, и слезы, первые за долгие годы, текли по его щекам, падая на мокрый асфальт, смешиваясь с кровью Анны. Он не вытирал их. Он просто стоял и смотрел на пустую, холодную, темную воду.

Он не знал, что это было — его прошлое, вернувшееся, чтобы убить его, или будущее, пришедшее, чтобы его спасти. Но одно он знал точно: теперь он не был просто полковником. Не был просто начальником. Не был просто человеком.

Он был отцом.

И это меняло все.

И в этом мире, мире триллеров и фантастики, мире святых и грешников, мире православия и полицейского произвола, в этом мире, где реальность переплеталась с мистикой, начи-

налась новая история. История о том, как человек, потеряв все, обрел нечто большее. Как он стал крестным для своего сына. И его защитником. На всю оставшуюся жизнь.

В этот момент где-то вдалеке послышался вой сирены. Наконец-то. Но он уже не ждал их. У него была своя миссия. Своя борьба.

Он посмотрел на мертвое лицо Анны. «Прости меня, — прошептал он одними губами. — И спасибо тебе. Я не подведу. Клянусь».

И с этой клятвой, на руках с сыном, он пошел навстречу вою сирены, оставив позади себя и свою прошлую жизнь, и свою прошлую смерть, и свое прошлое «я». Впереди был только долг. Только правда. И только любовь.

Глава 2. Дитя и буря

Санкт-Петербург, наши дни. Десять лет спустя.

Время — странная субстанция. Для одних оно течет медленно, как смола, растягивая каждое мгновение в бесконечность. Для других — летит стремительно, как электричка, несущаяся сквозь ночь, оставляя позади лишь размытые огни и гулкий стук колес. Для Дмитрия Петровича Соколова эти десять лет пролетели как один выдох. Выдох, в котором смешалось все: бессонные ночи, бесконечные отчеты, горечь потерь и — неожиданно, вопреки всему — тихая, упрямая радость.

Он сидел на краю кровати в своей небольшой квартире на Васильевском острове. Утреннее солнце, редкий гость в этом городе, пробивалось сквозь неплотно задернутые шторы, рисуя на полу золотистые полосы. В квартире пахло блинами и свежесваренным кофе. Обычное воскресное утро. Такое обычное, что порой он сам себе не верил.

Напротив него, на кровати, свернувшись калачиком под теплым одеялом, спал мальчик. Десять лет. Целых десять лет с той страшной ночи на набережной Мойки. Десять лет с того момента, когда он взял на руки крошечное, кричащее, перепачканное чудо и понял, что его жизнь больше никогда не будет прежней.

Мальчика называли Иваном. В честь деда — отца Дмитрия, погибшего в Чечне, когда сам Соколов был еще подростком. Иван Дмитриевич Соколов. Крестили его в той самой Свято-Успенской пустыни, где три дня до трагедии старица Агафья произнесла те странные, пророческие слова. Крестным отцом стал тот самый друг Серёга, который и притащил Дмитрия к прозорливице. Крестной — мать Анны, тихая, убитая горем женщина, которая сначала не могла даже смотреть на Соколова, считая его виновным в смерти дочери, а потом, спустя годы, приняла его как сына. Как отца своего внука.

Дмитрий смотрел на спящего сына, и в его груди поднималась теплая волна, которую он не мог — и не хотел — назвать никак иначе, кроме как любовью. Иван спал, подложив под щеку маленький кулачок. Его лицо, еще по-детски округлое, с россыпью веснушек на носу, было спокойным и безмятежным. Темные волосы разметались по подушке. Он был похож на мать — те же глаза, которые при пробуждении становились глубокими, как омут, тот же разлет бровей, та же манера чуть склонять голову набок, когда он о чем-то задумывался. Но что-то

было в нем и от Соколова — упрямая складка на лбу, решительность в движениях, какая-то внутренняя собранность, не свойственная детям.

Иван рос добрым. Не просто добрым — это слово казалось слишком бледным для того света, который жил в этом ребенке. Он был чистым. Такой чистоты Дмитрий Петрович не встречал никогда в своей жизни. Мальчик не мог пройти мимо бездомного котенка, чтобы не накормить его. Он делился последней конфетой с детьми во дворе. Он плакал над сломанным цветком и радовался первому снегу так, будто видел его впервые. Он задавал вопросы, от которых у взрослых замирало сердце: «Пап, а почему люди убивают друг друга?», «Пап, а Бог существует?», «Пап, а мама нас видит с неба?»

Соколов отвечал. Как мог. Честно. Он не прятался за ложью и не отделялся пустыми фразами. Он рассказывал сыну о матери — о той Анне, которую знал десять лет назад, о ее смехе, о ее любви к белому цветку, о том, как она мечтала о детях. Он рассказывал о своей работе — осторожно, без подробностей, но без вранья. Он говорил о Боге. Не как священник, не как богослов. Как человек, который однажды столкнулся с чудом лицом к лицу и до сих пор не мог до конца в это поверить.

Работа и воспитание сына — эти две линии его жизни переплелись так плотно, что иногда он сам не понимал, где заканчивается одно и начинается другое. Он брал Ивана с собой в участок, когда не с кем было оставить — благо, нянчиться с мальчиком готовы были все, от дежурного до уборщицы. Он уходил с совещаний, чтобы забрать сына из школы. Он писал отчеты, сидя на кухне, пока Ваня делал уроки. Он научился готовить — сначала простые макароны, потом борщ, потом блины, которые сейчас и наполняли квартиру запахом уюта.

Коллеги шептались за спиной. «Соколов сдал», — говорили одни. «Соколов стал мягким», — говорили другие. «Он больше не тот полковник, что был раньше». Третьи, самые умные, молчали. Они видели то, что другие не замечали: Соколов стал сильнее. Не жестче — сильнее. В нем появилась та внутренняя устойчивость, которая не дается ни погонями, ни должностями, ни деньгами. Она дается только любовью к кому-то, кто слабее и беззащитнее тебя. Только ответственностью за жизнь, которую ты не создавал, но которая стала твоей.

— Пап, — раздался сонный голос с кровати. — Ты чего сидишь? Рано же.

Дмитрий улыбнулся. Улыбка у него была редкой, но когда она появлялась, лицо преображалось, становясь моложе.

— Блины готовлю, — сказал он. — Вставай, соня. Сегодня в монастырь поедем.

Иван мгновенно проснулся. Сон слетел с него, как шелуха. Он сел на кровати, потирая глаза, и посмотрел на отца с тем особым выражением, которое появлялось у него всегда, когда речь заходила о пустыни.

— В Успенскую? — уточнил он.

— В Успенскую, — кивнул Соколов. — Сегодня причастие. После службы — исповедь. Ты готов?

Иван задумался. По-настоящему задумался, как умеют только дети — всем существом, всем сердцем. Он не отвечал сразу, не кивал машинально. Он словно заглядывал внутрь себя, проверял что-то там, в глубине, на что имел право заглядывать только он сам.

— Готов, — сказал он наконец. — Только... пап, я хочу исповедоваться не у отца Алексея. Можно у отца Николая?

— Почему?

Иван пожал плечами. Это был жест, который он перенял у отца — сдержанный, чуть смущенный.

— Не знаю. Он... он понимает. Он смотрит так, будто видит не то, что я говорю, а то, что я не говорю.

Соколов вздрогнул. Он знал это ощущение. Он сам чувствовал его каждый раз, когда смотрел на сына. И он понимал, что это значит. Это значит, что ребенок растет. Что в нем формируется что-то, чего не было раньше. Что-то глубокое. Что-то настоящее.

— Хорошо, — сказал он. — У отца Николая. Собирайся.

Путь до Свято-Успенской пустыни был неблизким — около часа на машине от центра Петербурга, но эти поездки стали для Соколова и Ивана чем-то вроде ритуала. Они выезжали из города, оставляя позади шумные проспекты, серые многоэтажки, бесконечную череду машин и рекламных щитов. Дорога шла сначала по трассе, потом сворачивала на узкие, обсаженные старыми березами дороги, которые петляли среди полей и перелесков. Здесь время словно замедлялось. Здесь воздух становился чище, а небо — выше.

Иван любил эти поездки. Он смотрел в окно, прижавшись носом к стеклу, и задавал вопросы — бесконечные, как сама дорога. «Пап, а почему деревья зимой спят?», «Пап, а кто придумал названия для городов?», «Пап, а если ехать и ехать, можно доехать до Бога?» Соколов отвечал. Иногда серьезно. Иногда с усмешкой. Иногда — молчанием, потому что ответов не было ни у него, ни у кого другого.

Сегодня Иван молчал. Он смотрел в окно, и лицо у него было сосредоточенным, словно он готовился к чему-то важному. Соколов не мешал. Он сам знал, как это бывает — когда нужно побыть наедине с собой перед тем, как встретиться с чем-то большим, чем ты сам.

Монастырь встретил их знакомым запахом ладана и воска, тишиной старых стен и мягким светом, лившимся из узких окон. Была воскресная литургия. Народу было немного — в основном монахи, несколько прихожан из окрестных деревень, да редкие паломники, приехавшие издалека. Соколов с Иваном встали в дальнем углу, не привлекая внимания. Дмитрий Петрович, несмотря на свой пост и положение, здесь, в этих стенах, чувствовал себя не начальником полиции, а просто человеком. Грешным, слабым, ищущим. Таким же, как все остальные.

Служба шла своим чередом. Песнопения сменялись чтением, чтение — молитвами. Иван стоял рядом, чуть переминаясь с ноги на ногу, но не проявляя нетерпения. Он смотрел на иконы, на священника, на свечи, и в его глазах отражалось что-то, что Соколов не мог назвать

иначе, кроме как светом. Особенным, внутренним светом, который не имел ничего общего с освещением храма.

Когда пришло время причастия, Иван вместе с другими подошел к чаше. Соколов остался на месте — он не причащался уже много лет, считая себя недостойным. Слишком много грехов. Слишком много крови. Слишком много всего. Но он смотрел, как его сын принимает Святые Дары, и в его душе поднималось что-то, похожее на молитву. Не словами. Просто чувством. Просто желанием, чтобы у этого мальчика все было хорошо. Чтобы он никогда не узнал той тьмы, в которой жил сам Соколов. Чтобы он вырос другим. Лучшим.

После причастия Иван подошел к отцу. Лицо у него было умиротворенным, словно он получил что-то важное, что-то, чего ему не хватало.

— Пап, — тихо сказал он. — Я пойду к кресту. Помолюсь.

— Иди, — кивнул Соколов. — Я подожду.

Иван отошел к большому деревянному кресту, стоявшему в углу храма. Перед ним горели свечи, и несколько человек стояли рядом, склонив головы в молитве. Иван встал чуть в стороне, не мешая никому. Он сложил руки перед грудью — так, как учила его бабушка, мать Анны, — и закрыл глаза.

Соколов наблюдал за ним издали. Он видел, как губы сына шевелятся, произносятся слова, которых он не мог слышать. Он видел, как лицо мальчика становится серьезным, почти взрослым. И он вдруг понял, что не знает, о чем молится его сын. Не знает, что живет в этом маленьком сердце. Не знает, чего он просит у Бога.

Это открытие кольнуло его. Он, начальник полиции, человек, привыкший контролировать все и вся, вдруг осознал, что его сын — не часть его, не продолжение его. Его сын — отдельный человек. Со своей душой, своими мыслями, своими молитвами. И это было правильно. И это было страшно.

Иван молился долго. Дольше, чем обычно. Соколов начал беспокоиться — не случилось ли чего, не занемог ли мальчик. Но вот Иван открыл глаза, перекрестился и отошел от креста. Он шел к отцу медленно, словно нехотя, словно возвращаясь из какого-то далекого, нездешнего места.

— Пойдем, пап, — сказал он, подходя. — Я все.

Соколов кивнул. Они вышли из храма, и холодный ноябрьский воздух ударил в лицо, возвращая к реальности. Двор монастыря был пуст. Только старые ели шумели под ветром, да где-то вдалеке перекликались птицы. Они пошли к машине по дорожке, посыпанной гравием, и их шаги гулко отдавались в тишине.

И тут они ее увидели.

Старица Агафья сидела на скамье у ворот — та самая старица, которая десять лет назад предсказала Соколову рождение сына. Она почти не изменилась. Та же сгорбленная фигура, та же лицо, изрезанное морщинами, те же глубокие, пронзительные глаза. Только волосы стали

еще белее, а спина согнулась еще сильнее. Она сидела неподвижно, сложив руки на коленях, и смотрела куда-то вдаль, за ворота, словно видела там что-то, чего не видели другие.

Соколов замедлил шаг. Он не знал, как поступить. Подойти? Пройти мимо? Он помнил ее слова, помнил тот странный, необъяснимый трепет, который охватил его десять лет назад. И он боялся — боялся услышать что-то новое. Что-то такое, что перевернет его жизнь снова.

Иван, напротив, не колебался. Он посмотрел на старицу с любопытством, потом — с чем-то похожим на узнавание. Он никогда не видел ее раньше — Соколов был уверен в этом. Но мальчик смотрел на нее так, словно они были знакомы давно.

— Пап, — прошептал Иван, дернув отца за рукав. — Кто это?

— Это... — Соколов запнулся. — Это матушка Агафья. Старица.

Иван кивнул. Словно это имя было ему известно. Словно он ждал этой встречи.

Старица повернула голову. Медленно, словно каждое движение давалось ей с трудом. Ее взгляд сначала упал на Соколова. И Дмитрий Петрович вздрогнул. В этом взгляде было что-то такое, от чего по спине пробежал холодок. Мрачное. Тяжелое. Словно она видела перед собой не полковника полиции, а человека, стоящего на краю пропасти. Или уже падающего в нее.

Потом она перевела взгляд на Ивана. И взгляд этот изменился. Он стал скорбным. Печальным. Как будто старица видела перед собой что-то, что причиняло ей боль. Что-то, что она не могла изменить, но о чем знала заранее.

— Исполнит Бог твое желание, — сказала она тихо, обращаясь к Ивану. Голос ее был ровным, но в нем звучала какая-то обреченность. — И братишка будет. Такой же, как ты. Но только... — Она перевела взгляд на Соколова. — Только отец из-за этого часто под дождем ходить будет. Очень часто. Всю жизнь.

Слова упали в тишину, как камни в воду. Соколов почувствовал, как внутри все сжалось. Что это значит? Что за братишка? У него не было других детей. Не могло быть. И что значит «под дождем ходить»? Что за странная, зловещая метафора?

— Матушка, — начал он, делая шаг вперед. — Я не понимаю...

Но старица уже закрыла глаза. Она снова перебирала четки, и лицо ее стало отрешенным, далеким. Она больше не смотрела на них. Она была где-то там, в своем мире, куда не было доступа обычным людям.

Иван стоял рядом, и на его лице было странное выражение. Не страх. Не удивление. Что-то другое. Словно он понял что-то, что не понял его отец. Словно слова старицы упали на подготовленную почву.

— Пап, — тихо сказал он. — Пойдем. Она устала.

Соколов хотел остаться. Хотел спросить. Хотел понять. Но что-то в голосе сына заставило его подчиниться. Он кивнул, взял Ивана за руку, и они пошли к машине. Старица осталась

сидеть на скамье, неподвижная, как изваяние. Она не проводила их взглядом. Она уже знала то, что должно было случиться.

Дорога домой была тихой. Иван молчал, глядя в окно. Соколов тоже молчал. Слова старицы звучали в его голове, как набат. «Исполнит Бог твое желание. И братишка будет. Такой же, как ты. Но только отец из-за этого часто под дождем ходить будет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.